

Г.Д.Гловели

Гловели Георгий Джемалович – заместитель директора Международного Института Александра Богданова, кандидат экономических наук

«СТРАСТЬ К МОНИЗМУ»:

ГЕДОНИЧЕСКИЙ ПОДБОР АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

Между реальным городом и идеальным градом: круг культуримагинации

«Монизм был моей страстью – и я «увлекался»

А. Богданов. «Эмпириомонизм» (1905)

А.А.Богданов стремительно вошел в российскую общественную мысль как «глубоко чтимый в рядах молодой социал-демократии автор «Политэкономии», по которой училась чуть ли не вся партия»¹. Но когда от исторического материализма - очевидного стержня прославленного «Краткого курса экономической науки»² - Богданов двинулся к созданию всеохватывающей наддисциплинарной картины мира - в форме сначала «социально-трудового миропонимания», а затем «всеобщей организационной науки» - он угодил в «воронку» непризнания. Философские «ортодоксы» российской социал-демократии ополчились на «ревизиониста» и «махиста»³; веховцы отвергли «кружковую отсебятину» за «аргументы от материалистического понимания истории» в период «возрождения идеализма»⁴; «профессиональные» социологи лишь в отдельных случаях, да и то вскользь, упоминали концепцию классов и социальных групп самого крупного российского представителя социологической школы Маркса⁵; психологи вовсе не удостоили внимания оригинальную версию *характерологии*, разработанную на основе метода «психического подбора»⁶.

Оселочным камнем недооценки или негативной оценки творчества Богданова, как правило, было отношение к марксизму: «ревнителёй» в одном случае, отрицателей в

¹ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М. – 1968. - С. 248.

² Было отмечено в рецензии на первую книгу Богданова его будущим яростным оппонентом (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 4. С. 37).

³ Характерно издание в 1923 г. специального сборника «воинствующих» работ Плеханова и Ленина под общей шапкой «Против Богданова».

⁴ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Спб. – 1909. – С. 13; его же. Заметка о книге А.Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. 1902. Вып. 4 (64). – С. 845.

⁵ В обзорной книге Н.И.Кареева «Основы русской социологии» (Спб., 1996) Богданов упоминается лишь в связи с критикой его взглядов Плехановым и С.И.Солнцевым; в современных историях русской социологии не упоминается вовсе! На этом фоне умолчания заслуживает упоминания оценка С.Утехина: в послереволюционной марксистской социологии наиболее интересным было направление А.Богданова, (Социологические исследования. 1993. № 2. С.90).

⁶ Статья Богданова «Психический подбор» была опубликована в «Вопросах философии и психологии», в 1904 №№ 73 и 74, но не попала в поле зрения А.Ф.Лазурского (1874-1917), автора «Очерка науки о характерах» (1906).

другом. Первых держала упертость на категориях *диалектического* метода, классовой борьбы и диктатуры пролетариата; вторые вместе с этими категориями отвергали и марксизм в целом, не допуская мысли о развитии его в иных формах, нежели полемизм Плеханова и якобинство Ленина. Два малоизвестных, но ярких примера из времени до 1917 г. Л.Каменев, привлеченный Богдановым в ряды РСДРП (б) и затем достигший в ней высот, но ценой превращения в «литературную проститутку» (Богданов), укорял бывшего наставника за то, что в его системе «идея общности всех людей ставится выше идеи классовой и групповой борьбы». А экономист-веховец, ближайший сотрудник П.Струве и апологет «денежной власти» А.Рыкачев ставил в упрек Богданову нежелание замечать явное противоречие учения о роли «организаторских» функций с историческим материализмом⁷.

После 1917 г. «под знаменем марксизма-ленинизма» была навалена целая кипа фальсификаций о «богдановщине» («богостроительство», «пролеткультовский нигилизм», «мелкобуржуазное левачество» и т.д.)⁸, а с крушением «реального» социализма в 1989-1991 гг. наследие Богданов, едва воскреснув, оказалось под обломками «идеологии» и «утопии». С другой стороны, незнанием этого наследия обусловлены пробелы даже в наиболее содержательных трактовках темы критики марксизма вообще и русского марксизма в частности⁹, не говоря уже о весьма поверхностных суждениях вроде «фактически на Нечаеве кончилась нормальная история русских революционных кружков, далее начались болезни и извращения»¹⁰.

Для жизни и мысли Богданова опыт революционных рабочих кружков промышленной Тулы имел исключительное значение. Здесь был получен решающий импульс для систематизирующей мысли - «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические, с вытекающими из них формами духовной культуры»¹¹ - и марксизм был выбран особого рода техникой интеллектуального анализа, позволившей структурировать реальность утопическому сознанию.

А «утопия разумных человеческих отношений» зародилась еще в раннем детстве под влиянием конфликтов в «семейном мирке» и религиозного кризиса, вызванного

⁷ Рыкачев А. Рец. на : Богданов А., Степанов И. «Курс политической экономии». Том 1 // Русская мысль. 1911. № 6. С. 246.

⁸ Разоблачение части этих фальсификаций сделано в моей брошюре «Социализм науки»: мебиусова лента А.А.Богданова» (1991).

⁹ Я имею в виду прежде всего выступление Э.Ю.Соловьева «Марксизм и пролетарский мессианиззм» и статью К.М.Кантора «Немецкая идеология Маркса – Энгельса и русский марксизм» (Вопросы философии. 1995. № 12)

¹⁰ Егоров Б.Ф. Русские кружки // Из истории русской культуры. Том 5. XIX век. М. – 2000. - С. 512.

¹¹ Богданов А.А. О пролетарской культуре. М.-Л. – 1925. – С. 239.

смертями маленьких братьев. «Бог стал только далекой и чуждой отвлеченностью», «отблеском того непоправимого, которое неожиданно приходит и беспощадно сжимает сердце»¹². Но сильная и глубокая рассудочная потребность в образе упорядоченного бытия осталась – и на «атеизме чувства» оформилась идея *максимума организованности*, подкрепленная книжным рационализмом, естествознанием и марксизмом.

До кружка – классическая гимназия, где «злобно-тупое начальство» приучило «отрицать авторитеты»¹³, а уважение соучеников – дорожить товариществом; увлечение книгами «шестидесятников» – Чернышевского, Сеченова, Писарева, Тимирязева - и первые «записки» о роли научных открытий и изобретений в истории человечества¹⁴; специализация на биологии и ссылка за студенческий протест; «распутье» между народолюбием и марксизмом. А в России 1890-х – индустриализация; голод – следствие правительственной политики «недоедим, но вывезем»; новый провал «хождения в народ» - с ответным «движением в полицейские станы мужиков, не добром поминавших своих «доброхотов»¹⁵; «окончательное формирование рабочего класса»¹⁶ и неожиданно проявленная им *способность к кружковой самоорганизации* с попытками с помощью «интеллигентов» уяснить характер общественного устройства и своего места в нем.

«Идея пролетариата оказалась единственным исходом и опорой для растерявшейся русской мысли. После годов тоски, скуки, цинизма и равнодушия где-то вдали блеснула надежда на какое-то великое решение (а мы всегда искали великих решений), явилась мысль, могучая по своей организующей силе»¹⁷.

Это писал не Богданов, а видный историк-эссеист того времени Е.Соловьев-Андреевич (1866-1905), преждевременно сведенный в могилу алкоголизмом – недугом, разлитым и в рабочей массе страны «пьяного бюджета». За горького пьяницу слыл сначала и один из рабочих кружка Богданова - токарь Валиков. Но именно кружковцы-«экономисты» сыграли главную роль в организации Тульского общества трезвости, «правильного места отдыха и связи», собиравшего широкие слои рабочих за дешевым чаем, шахматами, газетами, вечерними беседами¹⁸.

А юный руководитель кружка - в отличие от большинства «интеллигентов, бравшихся в то время за дело социалистической пропаганды», с неудовольствием

¹² Богданов А.А. Воспоминания о детстве // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М. – 1995. – С.30-31.

¹³ Богданов А.А. Автобиография // Там же. С. 18.

¹⁴ Соболев И.И. Товарищ // Вестник МИАБ. 2002. № 4.

¹⁵ Короленко В.Г. Земли! Земли! //

¹⁶ Балабанов М.С. Очерки по истории рабочего класса России. Кн. 3. М.-Л. – 1926. – С. 28.

¹⁷ Соловьев-Андреевич Е.А. Рабочие люди и «новые идеи». М. – 1906. – С. 113.

¹⁸ Фролов А.С. О былом и пережитом. Воспоминания тульского рабочего. Тула – 1990. – С. 67.

воспринимавших темы вроде «происхождения мира и человека»¹⁹, - с увлечением шел навстречу «широким запросам наших рабочих в области общего мировоззрения». «Мы, - писал Богданов о себе и присоединившихся к нему в качестве лекторов В.Руднев-Базарове и И.Скворцове-Степанове, - наталкивались на какое-то прирожденное стремление к монизму, от нас требовали монистических ответов – не всегда с успехом, разумеется, - на всевозможные проклятые и не проклятые вопросы. В эту сторону должна была направляться деятельность и нашей собственной мысли; для меня лично это в сильнейшей степени предопределило характер всей последующей, научной и философской работы»²⁰. Эмпиримонизм стал «картиной мира для своего времени и для класса, делу которого я себя посвятил»²¹.

Этот класс – индустриальный пролетариат, в социокультурном дискурсе Богданова воплощающий «основную линию социального прогресса» - линию *собрания человека* и «смены стихийной борьбы общественных форм их сознательным созиданием». Всемирная история резюмирована формулой *дробление человека*: расхождение высших, «организаторских» форм труда от низших, “исполнительских” - и специализация, профессиональная дифференциация. Укорененные в технике (организация вещей) и экономике (организация людей), оформленные и регулируемые идеологией (организация опыта), отношения “организаторов - исполнителей” являются основой классового деления как отношения социально-экономического господства–подчинения с соответствующими надстройками (феодализм – религия, «авторитарный фетишизм»; промышленный капитализм – буржуазный индивидуализм, «отвлеченный фетишизм» рынков). Организаторы, оформляясь в «классы для себя» раньше, чем исполнители, на вершине господства отходят от реальных организаторских функций и начинают развиваться “по преимуществу в потребительном, т.е. паразитическом направлении”; так происходит и с буржуазией, но созданное ей крупное машинное производство порождает, по словам Богданова, «великую культурную революцию»²² монизма методов и «психический тип, совмещающий организаторскую и исполнительскую точку зрения в одной непосредственно-цельной деятельности».

Так «утопия разумных человеческих отношений» получила социальную объективацию и парадигматическую модель «труда-миростроительства». «Дихотомия включает в себя: с одной стороны, опыт реального города, в котором живут люди, с другой – страстный порыв к идеальному граду, олицетворяющему более или менее

¹⁹ Лепешинский П.Н. На повороте. Пб. – 1922. – С. 25.

²⁰ Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 241.

²¹ Богданов А.А. Эмпиримонизм. Кн. III. Спб. – 1906. - С. XL.

²² Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Спб. – 1910. – С. 95.

энергичную жажду перемен»²³. «Реальный город» Богданова – это не только Тула с ее Оружейным и Патронным заводами, «выдающимся, может быть, гениальным организатором»²⁴ механиком Иваном Савельевым, уходом в революцию сына потомственных владельцев самоварной фабрики Ефима Баташева, «тонкими, облагороженными вечеринками» рабочих-воскресников и организованным шествием к Ясной Поляне Л.Толстого по случаю 100-летия со дня рождения Пушкина²⁵. Это – появление в индустриализующейся России своеобразной *субкультуры рабочих слоев*²⁶ и пусть единичных, но реальных «организаторов универсального типа», как, например, Авенир Ноздрин из Иваново-Вознесенска – квалифицированный текстильщик-гравер (организатор вещей), книгочей и поэт (организатор идей) и председатель первого в истории Совета депутатов (организатор людей)²⁷. Это – обобщения нарождающейся индустриальной социологии: «Появился новый тип человека: рожденный и воспитанный для машины фабричный работник». Машина «требует от работника всевозрастающего духовного напряжения и понимания воплощенной в ней технической идеи. Управляющий ею работник должен быть сыном века естествознания... его потребности распространяются теперь на все завоевания культуры». «Рабочий поднимается на высоту умственного труда»²⁸.

Идеальный град – это рационализированные чаяния европейских социалистов: мир электрификации, автоматизации и хозяйственной планомерности, где «наука – великое орудие труда... будет обобществлена, как этого требует социализм по отношению ко всем орудиям труда», а работник, избавленный от прикрепленности к одному участку производства, возвысится до нового типа, сочетающего «технически-артистическое чутье с универсальной умелостью»²⁹.

Э.Соловьев, реконструируя основания левоавангардистской веры в пролетариат, отметил, что молодой Маркс выдвинул «емкую и решительную антитезу основного христианского символа». Он противопоставил религии *распятого бога* доктрину умерщвленного капитализмом *богоподобного человека* и возложил миссию спасителя на

²³ Мараваль Х.А. Утопическая мысль и динамизм европейской истории // Утопия и утопическое мышление. М. – 1991. – С.210.

²⁴ Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 239.

²⁵ Фролов А.С. О былом и пережитом. С. 57, 210. См. также биографии Е.В.Баташева и Н.П.Валикова в биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России», т. 5. Социал-демократы. М. Ч. 1, 2. 1931-1933.

²⁶ Крупнейший русский книговед Н.А.Рубакин в докладе на съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию (1905) подчеркнул, что фабрично-заводские рабочие не только стоят «впереди читающей толпы», но и выдвигают собственную интеллигенцию – сотни поэтов, беллетристов, публицистов, «одухотворенных широким и глубоким общественным идеалом», «популяризаторов», «мыслителей в религиозно-этическом духе» (Русская мысль. 1905. № 7. Отд. II. С. 126-127).

²⁷ Об А.Е.Ноздрине (1862-1937) подробно рассказано в кн.: Дм.Семеновский и поэты его круга. Л. – 1989.

²⁸ Шульце-Гевеверниц Г. Крупное производство. Пер. Л.Красина. СПб. – 1897. – С. 66-69, 170-171.

наиболее обездоленный и отверженный класс гражданского общества³⁰. В ленинизме эта диалектически-парадоксалистская риторика стягивается к идее диктатуры пролетариата, и марксизм преобразуется в технологию решения «главного» вопроса революции – вопроса о власти.

К.Кантор замечает в связи с этим, что «Ленин поставил истмат... с ног на голову», накренив, по словам Г.Гачева, марксизм в политическое учение «о хозяйствовании через властвование сверху, т.е. вполне в духе кесаревой России»³¹.

А что же Богданов, который и в период солидерства в партии большевиков не разделял главного тезиса ленинского «Что делать?» о привнесении извне социалистического сознания в рабочее движение³²? «Рациональное и сжатое выражение стремлений пролетариата» (Энгельс) Богданов предпочитает понимать не как обоснование разрушительной для старого общества силы нищеты, а как раскрытие в наличной повседневности задатков «*максимума организованности*» для общества нового: «Рабочий класс осуществляет дело организации вещей в своем труде, организации своих коллективно-человеческих сил в своей социальной борьбе. Опыт той и другой области ему приходится связывать в свою особую идеологию - организацию идей. Таким образом, сама жизнь делает его организатором универсального типа, а всеорганизационную точку зрения - естественной и даже необходимой для него тенденцией»³³.

Этот своеобразный «строительный» мессианизм, проникнутый убеждением, что «развитие социальности человечества – основной смысл цивилизации», можно, используя термин Я.Э.Голосовкера, охарактеризовать как *пролетарскую культуримагинацию*. «Духовный стимул, сущий во мне», «жаркий голос, как будто звучащий из глубины души», «инстинкт к абсолютному, безусловному, постоянному, идентичному»³⁴ - всем этим в «имагинативном абсолюте» Богданова была одержимость идеей товарищеского сотрудничества для «максимума организованности». Лозунг пролетарской культуры, проект всеобщей организационной науки, мечта о развитии жизненной энергии посредством обменных переливаний крови – таковы были, по оценке самого Богданова (в заявлении из тюрьмы ГПУ Дзержинскому³⁵) три главных воплощения *культуримагинации*. Добавим, оставляя в стороне практическую партийную

²⁹ Богданов А.А. О пролетарской культуре. С. 98, 325.

³⁰ Соловьев Э.Я. Марксизм и пролетарский мессианизм // Латинская Америка. 1990, № 5. С. 14.

³¹ Кантор К.М. Немецкая идеология Маркса – Энгельса и русский марксизм // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 107.

³² Богданов А.А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 69.

³³ Богданов А.А. Тектология. Кн. 1. М. – 1989. – С. 108-109.

³⁴ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М. – 1987. – С. 150.

³⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 37-38.

деятельность, литературную трилогию и одно из первых отчетливых предупреждений человечеству об угрозе ядерного омницида³⁶.

В «первомарксизме», по вердикту Э. Соловьева, «нет и намека на исчерпаемость планетных ресурсов, на возможные экологические угрозы, на западни и ловушки демографии; проблематика конечности индивидуального человеческого существования попросту отсутствует, словно серьезная философия никогда ею не задавалась»³⁷. В классической утопии А.А.Богданова «Красная звезда», которая из настоящего предстает как *дистопия*³⁸, отражены все перечисленные проблемы. Что касается темы личной бренности, кричащей о «боли страха смерти» и вере в «вечную гармонию, в которой мы все сольемся» (Ф.М.Достоевский), то важно отметить, что именно она привела ушедшего от марксизма С.Н.Булгакова к «богоискательству», а «оставшегося» А.В.Луначарского – к «богостроительству». Булгаков, утратив «былую доверчивость к истории» и чувствуя «ледяное дыхание смерти под зноем жизни», сначала отринул марксизм за «упразднение трагедии индивидуальной души» («Карл Маркс как религиозный тип»), а затем истолковал в духе *мировой скорби* – «тоска «царя природы» в плену у стихий этой самой природы» («Философия хозяйства»). «Проклятие зависимости» от мертвой, чуждой природы порождает «еще злейшее проклятие, экономическое рабство человека человеку, вечную вражду между людьми из-за богатства»³⁹. Луначарский же сбивчиво пытался истолковать марксизм как «высшую религию», которая сообщает личности «духовномировую уверенность» в конечной победе человеческого коллектива над природой, поскольку одна лишь наука, ориентируя человечество в практическом миропреобразовании, надежды такого рода не дает.

У рационалиста Богданова к высшему символу имажинативного абсолюта - идеалу бессмертия⁴⁰ - было свое отношение (интересный сюжет на эту тему – рассказ «Праздник бессмертия», опубликованный «Вестником Международного института Александра Богданова» (2001, № 4) вместе со статьей Алексея Веселовского «Мировая скорбь» и эссе М.Горького «Легенда об Агасфере»). «Красная звезда» содержала ключевую гипотезу своеобразной *танатологии* «нового мира»: «обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передать другому массу условий повышения жизни» - способ оздоровления и омоложения, вероятный как норма с устранением «той психологии индивидуализма, которая так глубоко отграничивает одного человека от другого». Богданов подразумевал продление жизни до такого

³⁶ Богданов А.А. Вопросы социализма. М. – 1918. – С. 7-8.

³⁷ Соловьев Э.Я. Марксизм и пролетарский мессианиззм. С. 15.

³⁸ Graham L. Bogdanov's Inner Message // Bogdanov A. Red Star. Bloomington – 1984. – P. 243.

³⁹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М. – 1990. – С. 249-250.

возраста (по И.Мечникову - примерно 140 лет), когда смерть примет форму «особого инстинкта, сходного с потребностью уснуть»⁴¹. «Тектология борьбы со старостью», практически реализованная в деятельности Института переливания крови, увенчала пролетарскую культуримагинацию Богданова с ее нормами товарищеской солидарности, «страстью к монизму» и упорной работой

Во имя далекого дня,
Когда человечество, кончив блуждания,
Задачи решенье поймет,
И к высшей гармонии - жизнью слиянью
Дорогой прямою пойдет⁴².

Между технической интеллигенцией и пролетариатом: социологический дискурс

Индивидуалист отстаивает против стадности только себя и свое; коллективист же стремится к возвышению и совершенствованию своего коллектива, и отстаивает свое не как свое, но как лучшее, и не для того, чтобы обособиться от коллектива, но чтобы д а т ь ему это лучшее и на такой основе удержать и развить свое единство с коллективом.

А. Богданов. «Законы новой совести» (1924)

Спустимся теперь с космических высот идеала на пересеченную местность *идеологии* с ее чересполосицей специализации, оврагами непонимания и траншеями пристрастной полемики.

Остроумный П.Юшкевич сравнил Богданова с пахарем, который, «наклонившись от тяжелого усилия вперед, не глядя по сторонам, ведет... борозду своего эмпириомонизма»⁴³. Можно уточнить, используя формулу самого Богданова об «организаторе-исполнителе», что он был *пахарем-селекционером*, отбиравшим в «семенном фонде» человеческого знания материал для возделывания монистических «сортов» на ниве идеологии, понимаемой как «система понятий, организующих социальный опыт людей».

Хотя Богданов не знал оставшихся в рукописях Маркса резюме об «эмансипации естествознанием»⁴⁴ и превращении непосредственного труда «в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к *всеобщему научному труду*»⁴⁵,

⁴⁰ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – С. 138.

⁴¹ Мечников И.И. Этюды оптимизма. М. – 1987. – С.113.

⁴² Богданов А.А. Марсиянин, заброшенный на Землю // Вестник МИАБ. 2001. - № 1(5). – С. 90.

⁴³ Юшкевич П.С. Столпы философской ортодоксии. Спб. – 1910. – С.77-78.

⁴⁴ «Естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. – С. 124).

⁴⁵ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 207-208.

из тенденций крупной промышленности он сам сделал вывод о растущем значении «производства идей» для «производства вещей»: «работа мысли получает все большее преобладание над работой мускулов»⁴⁶. Под «работой мысли» здесь понимается то же самое, что Маркс отметил как *«технологическое применение естествознания»*. Но кто будет в будущем его осуществлять? Элита чиновников и экспертов, которым рабочие должны будут только *верить*, поскольку не в состоянии *знать* (основной конфликт фантастического романа Богданова «Инженер Мэнни»)? Или «новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца»?⁴⁷.

Богданов не ссылаясь ни на этот тезис Энгельса, ни на чеканную формулу «Немецкой идеологии»: «идейные образования должны быть объяснены из материальной практики». Но он был *единственным* не только в российской, но и в западной марксистской традиции, кто всерьез озадачился «выработкой тех общих способов исследования, которые давали бы ключ к самым различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими»⁴⁸ - с опорой на «трудовую причинность» и идеи дарвинизма (пластичность) и энергетики (количественная соизмеримость явлений в их превращениях). Отсюда и подбор привлекаемых концепций: «лингвистическая археология» Л.Гейгера и гипотеза Л.Нуаре о «трудовых междометиях» как первичных корнях речи; анализ К.Бюхером возникновения музыкально-песенного творчества из ритмики первобытного производства, а Э.Махом - физических теорий из технической практики; наконец, «естествознание мысли» М.Мюллера, сводившее *основной вопрос философии* к вопросу о происхождении понятий⁴⁹. Богданов разрешил этот вопрос для себя *«социально-генетическим методом»*: понятийное мышление «возникло из того, что не есть мышление, т.е. из бытия; идеология развилась из того, что не есть идеология, - и марксисту легко понять, из чего именно: из социального бытия, или *производства»*⁵⁰.

Это, пожалуй, самый «диалектический» вывод во всем наследии Богданова – ибо в целом он считал гегельянскую манеру, которой «кокетничал» Маркс в «Капитале», устаревшей и явно не отвечающей уровню естествознания уже в XIX, а тем более в XX в. (Такой, заметим, была и позиция других универсальных русских умов - М.М.Филиппова и В.И.Вернадского). Поэтому на факте изменения естественнонаучных представлений о

⁴⁶ Богданов А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. – М. – 1906. – С. 279.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 308.

⁴⁸ Богданов А. О пролетарской культуре. С. 98.

⁴⁹ Мюллер М. Наука о мысли. Харьков. – 1891. – С. 13-14.

«материи» он отринул схематику особого *диалектического* материализма с его панлогическими триадами. Чем и вызвал на себя мутные струи «диалектической ортодоксии» плехановцев-ленинцев-деборинцев.

С другой стороны, вопреки пренебрежительному отношению Маркса к «дрянному позитивизму»⁵¹ и враждебности Конта и Спенсера к социализму, Богданов увлекся современными ему «позитивными школами» западной философии во главе с эмпириокритицизмом Э.Маха - Р.Авенариуса. Конт с его «социократией» и «религией человечества» и Спенсер с его социал-дарвинизмом и апологетикой *laisser faire* в своих крайностях оказались как бы воплощением двух стадий богдановской схемы эволюции идеологий – авторитаризма и индивидуализма⁵². Сам Богданов в поисках идеологического оформления третьей, коллективистской стадии обращается к междисциплинарной теории познания Эрнста Маха, в которой человеческое «я» - лишь узловая точка уплотненной связи чувственных элементов мира⁵³, индивидуумы гносеологически эквивалентны в системе элементов опыта, наука – набор инструментов для экономной обработки сырого материала фактов, а установленные ей «законы природы» - практически сообразные методы ориентировки в потоке опыта.

Находя в эмпириокритицизме необходимый материал для шага к «гносеологическому социал-демократизму», Богданов одновременно характеризовал саму по себе «философию чистого опыта» как идеологию *технической интеллигенции* – социальной группы, которую объединяет с пролетариатом понимание практического характера науки. Но, будучи динамичным элементом в организации промышленного производства, техническая интеллигенция сохраняет консервативные интересы как группа, сравнительно хорошо устроившаяся в буржуазном обществе и не склонная к революционным преобразованиям. Консерватизм социальных воззрений технической

⁵⁰ Богданов А. Падение великого фетишизма. С. 8.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

⁵² Заметим здесь, что одно из главных достижений «Тектологии» - разъяснение дилеммы «Порядок и Прогресс». Ее лишь в виде лозунга обозначил Конт в «Курсе позитивной философии». Он заявил, «прогресс есть развитие порядка», но не предложил никакой версии этого развития. Спенсер, подробно рассматривая дифференциацию и интеграцию, трактовал прогресс только как движение от однородности к разнородности. Богданов введя понятия системной контрдифференциации и организационной пластичности, предложил исключительно плодотворную эвристику «расхождения и устойчивости»: прогресс основан на пластичности, усложнении организационных форм, разнообразии материала подбора, а порядок поддерживается благодаря «депрессии», образованию организационно низших «скелетных» группировок, закрепляющих активности, охраняющих «нежные» комбинации пластичных форм.

⁵³ «Я» теряет монадический характер автономной, замкнутой в себе, безусловно автономной единицы, независимой от других «я», и приобретает новое свойство пористости» (Викторов Д.В. Философские взгляды Эрнста Маха // Вопросы философии и психологии. 1904. № 73. С. 250).

интеллигенции сказывается и на ее философии – в учении Авенариуса о равновесии как норме-идеале всякого развития жизни⁵⁴.

Введение А.А.Богдановым термина «техническая интеллигенция» было принципиальным шагом для социокультурного дискурса начала XX века. Во-первых, оно отражало понимание растущей роли «новых средних слоев» в индустриальном производстве и устраняло «недомолвки» марксизма относительно «высших форм труда»⁵⁵. Во-вторых, оно уходило от крайностей определения интеллигенции либо как исключительно этической категории (Н.К.Михайловский), либо как «социологически ничтожной величины» (П.Струве). В-третьих, оно предвосхищало появление концепций, получивших позднее название «технократических» (об этом ниже).

С самого появления в русском языке слова «интеллигенция» его значение раздвоилось: «салонная» элита⁵⁶ и - «рабочий интеллектуальный класс»⁵⁷, «идейно-рабочая сила»⁵⁸. Второе понимание преобладало, но и в нем зафиксировались идеологические противоречия. С одной стороны, первый русский физик-теоретик и глава Московского общества испытателей природы Н.А.Умов выступил с лозунгом всемирно-исторической миссии не пролетариата физического труда, а *«пролетариата мысли и воли»*, несущего знамя научного творчества и мораль *«Твори и созидай!»*⁵⁹ С другой стороны, пресловутый Махайский напал на класс «умственных рабочих», владеющих собственностью в особой форме знаний и рассчитывающих за счет обобществления

⁵⁴ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Спб. - 1909. – С. 102.

⁵⁵ На этих «недомолвках» сделал основной акцент автор первой (хотя довольно бледной) в России книги, специально посвященной критике марксизма – Л.Слонимский (1850-1918). Он указывал, что по описаниям самого Маркса, в крупной промышленности «господствует сложная умственная работа, требующая технических и коммерческих знаний, большого практического искусства, находчивости и изобретательности, тогда как значение простой рабочей силы неизбежно понижается вместе с сокращением и упрощением функций мускульного труда в крупной промышленности». И это идет совершенно вразрез с «Если принимать в расчет работу техников, инженеров и разных ученых специалистов, организаторов и руководителей промышленных предприятий, то нельзя говорить об исключительном праве рабочего класса на продукты общественного труда. Представители высших форм труда уже входят в состав буржуазии и тем не менее без их непосредственного участия немисливо существование и развитие какой бы то ни было отрасли крупного промышленного производства». (Слонимский Л.З. Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор. Спб. - 1898. – С. 135).

⁵⁶У Л.Толстого («Война и мир», том I, часть I, глава II) в великосветском салоне Шерер собирается «вся интеллигенция Петербурга».

⁵⁷ Выдающийся историк-разночинец Афанасий Шапов писал в 1868 г. в статье «Естествознание и народная экономия»: «...научно-рабочий интеллектуальный класс не будет кастовым, цеховым, отрешенным от народа меньшинством, а будет всенародной интеллигенцией» (Шапов А.П. Сочинения. Том II. Спб. – 1906. – С.11).

⁵⁸ Определение видного земского статистика С.М.Блеклова (1860-1913) из его статьи «Земские учреждения» (Энциклопедический словарь Гранат. – Том 21. - Стб. 249).

⁵⁹ Умов Н.А. Эволюция живого и задачи пролетариата мысли и воли. М. – 1906.

производства присвоить себе наибольшую долю общественного капитала под видом вознаграждения государством «привилегированных наемников» - интеллигенции⁶⁰.

А.А.Богданов, подразумевая под «интеллигенцией» «наиболее прогрессивные слои руководящих верхов»⁶¹, подчеркивал противоречие между необходимостью для строительства социализма точных научно-технических знаний и наличием этих знаний «пока только у интеллигентов-организаторов», а общественный идеал технической интеллигенции характеризовал так: «планомерная организация производства и распределения под руководством ученых-экономистов, врачей, юристов, вообще - самой этой интеллигенции; при этом она создает привилегированные условия для себя, но также условия жизненно удовлетворительные для рабочего класса, тем самым устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов»⁶². Это описание совпадает с призывами американских идеологов «технократии» - «инженера эффективности», одного из основателей «научного менеджмента» Г.Гантта и основателя институционального направления в экономической теории Т.Веблена⁶³. Но это не есть идеал самого Богданова, который и выдвигал свою «программу культуры» как необходимое звено между социал-демократическими программами-минимум и максимум, поскольку иначе рабочим даже в случае захвата политической власти и перераспределения собственности не на что рассчитывать, кроме «перехода из-под ига капиталистов под иго инженеров и ученых»⁶⁴.

Ленин в речи на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства (май 1918) лицемерно заявил, что не знает ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники - превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»⁶⁵. Знал Предсовнаркома такую книгу: «Вопросы социализма» А.Богданова, где указывалось и на то, что вопрос единого хозяйственного плана – «гораздо более технический, чем экономический»⁶⁶, и на мираж «военного коммунизма», и на несостоятельность лозунга «зарплаты на уровне хорошего рабочего».

⁶⁰ Махайский Я.В. Умственный рабочий. Кн. 2. Женева – 1904.

⁶¹ Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. М. – 1989. – С. 62.

⁶² Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. М. – 1989. – С. 75.

⁶³ См.: Гловели Г.Д. Американский институционализм // История экономических учений. Под ред. Автономова В.С. и др. М. – ИНФРА-М. – 2000. – С. 319.

⁶⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. М. – 1918. - С.104.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 382.

⁶⁶ Богданов А.А. Вопросы социализма. М. – 1918. - С. 23.

Впрочем, от своих «шалашно-разливных» представлений о «коммунистической формации» Ленин вскоре отказался, и политикой «кнута и пряника» стал привлекать техническую интеллигенцию на сторону Советской власти, в чем немало преуспел. А Богданову, вышибленному из Пролеткульта и не единожды отказавшемуся от партийных и советских постов, осталось социологически осмысливать эволюцию технической интеллигенции, властвование которой он считал весьма вероятным, но идеологом ее быть не хотел, поскольку в ее «социальном типе» не находил для данных для осуществления «монистического» идеала⁶⁷.

Этот, социологически наиболее интересный пласт наследия Богданова, на десятилетия оказался погребенным в архивах, причем самый значительный доклад - «Общественнонаучное значение новейших тенденций естествознания» (1923) – до сих пор не опубликован; другие – «Мировая война и революция», «Линии культуры XIX и XX века» - были опубликованы в 1990-е годы.

Как же оценивал создатель концепции *организационной динамики* место технической интеллигенции в организационной динамике современного ему общества?

До мировой войны технической интеллигенция не была «классом для себя»: ее верхи прямо примыкали к буржуазии; низы напрягали усилия, чтобы индивидуально выбиться наверх силой знаний, воли и таланта; избранная часть присоединялась к революционному пролетариату. Во время войны большинство этой интеллигенции было настроено империалистически, видя в завоеваниях расширение карьерных возможностей. После катастрофы, в условиях автаркических тенденций, на техническую интеллигенцию легла основная тяжесть решения организационных задач в национально-государственном масштабе: восстановление и подъем производства в пределах страны за счет усиленного и наиболее рационального использования ее собственных природных богатств и наличных рабочих сил (отсюда всплеск интереса к «научной» организации труда – тейлоризму, психотехнике и т.п.). Это должно было предопределить рост ее классового самосознания и реального господства, ассимиляцию «акционерно-рантье-ских паразитических элементов» буржуазии и проведение на уровне государственной политики системы прикладных научных исследований и «коллективного страхования капитала». «При вполне развитом государственном капитализме» техническая интеллигенция «должна собрать в себе всю буржуазию, явиться новой формой ее существования, как господствующего класса»⁶⁸.

⁶⁷ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 197.

⁶⁸ Там же. С. 103.

Позднее Богданов счел необходимым принципиально разграничить интеллигенцию собственно техническую (инженерно-научную) и интеллигенцию «нормативно-государственную», непосредственная база которой – «не производство, а разбухший государственный аппарат с включенным в него милитаристическим». Различие между двумя группами нового организаторского класса выражается не только степенью тенденций к научной точности, но и политической ориентацией – техническая интеллигенция как таковая в основном тяготеет к политической демократии и пацифизму, а нормативно-государственная – к агрессивному национализму и различным формам военной диктатуры, вплоть до фашистской. Две несхожие группы объективируют две различные «культурные линии новейшего капитализма» – линию «буржуазно-интеллигентского техницизма» и линию «норматизма»⁶⁹.

Что касается пролетариата, то ему, ввиду невыработанности *собственных* организационных методов, в России пришлось поневоле выполнять роль *зауряд-бюрократии*⁷⁰, а в рамках международного рабочего движения – решать проблему рассогласованности окультуренных оппортунистических «верхов» и лишенных положительного организационного опыта революционных «низов» – те и другие подпадают под влияние «культурных линий» двух основных групп «организаторско-буржуазного класса» и соответственно объективируют «техницизм» и «норматизм» в понимании своих интересов и задач.

Линия «буржуазно-интеллигентского техницизма» в рабочем движении подразумевает эволюционное движение к не определяемой четко конечной цели, повышение квалификации и заработка, приобщение к общей культуре, политический минимализм, пацифизм, реформизм.

Если характеристика этой линии в целом соответствует ревизионистскому профилю европейской социал-демократии, то описание Богдановым «линии норматизма в рабочем движении» можно понять как эзопов намек на политику ВКП(б): государственно-регулятивный подход к задач хозяйственной планомерности – «масштаб максималистский, но без осознания внутренних закономерностей организуемого процесса», приобщение к общей культуре плюс жесткое идеологическое доктринерство, доступ к власти, гражданские привилегии, блага «твердого руководства и дисциплины»; достижение конечной цели как результат благоприятного соотношения боевых сил, «пацифизм государственно-условный, с уклоном в прямой антипацифизм по отношению к гражданской войне». «К этой линии тяготеют широкие неквалифицированные слои

⁶⁹ Там же. С. 131-132.

⁷⁰ Там же. С. 202.

пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности»⁷¹.

Богданов недоговаривал из-за цензуры – как внешней, так и внутренней, не дававшей ему признать иллюзорность видения «пролетариата» как класса-«всеорганизатора». Он все еще ожидал «консолидации пролетариата на единой, своей собственной культурной линии» - после того, как придется пережить «еще один великий урок, еще одно великое разочарование», когда средством организации масс послужит «идеология, в которой государственный капитализм выступит под фирмой, по меньшей мере, истинного социализма»⁷².

Один доктор философских наук⁷³ в свое время заметил, что Богданов тектологией «отгородился» от реального социалистического строительства. Правильнее было бы сказать, что пролетарская культуримагинация как раз не дала Богданову отгородиться от социализма, уже в советской яви, а не в дистопических строках «Красной звезды» принимавшего характер «глубоко и надолго искаженного многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом». Загнанный в угол «злостного непонимания», тектолог не хотел мириться с разочарованием в своей «утопии разумных человеческих отношений» и в ее социальной объективации. И медицинская стезя «коллективной борьбы за жизнеспособность» стала последним порывом волевого ума и усталого сердца в борьбе за «сотрудничество-миростроительство», где «не должно быть стадности», но «жизненно ясные и прозрачные» взаимные связи между людьми сделают возможным товарищеский обмен «не только в идейном, но и в физиологическом существовании»⁷⁴.

Между истматом и психологией: гедонический подбор

Абстрактный мир отношений отказывается от красок,

он холоден и суров в своих отвлечениях.

*А.Богданов. К вопросу о новейших
философских течениях (1902).*

Получив в молодости (1899) университетский диплом врача-психиатра, Богданов никогда не порывал с психологией и уже в 1920-е гг. наметил подробный план ее пересмотра с организационной точки зрения, предполагавший в том числе

⁷¹ Там же. С. 135.

⁷² Там же. С. 133.

⁷³ Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М. – 1975. – С. 216.

⁷⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. М. – 1990. – С. 159.

совмещение фрейдизма с изложенной в «Тектологии» концепцией гедонического подбора⁷⁵, развернутой ранее в «Эмпириомонизме» под более широкой формулировкой «психический подбор». Богданов намеревался основательно развить «всеобщий метод генетического познания психических явлений», но не успел⁷⁶; однако и уже сделанное позволило предложить оригинальную классификацию личностных типов, которую можно назвать *социокультурной характерологией*.

Гедонический подбор - это прогрессивный подбор психических комплексов, протекающий в виде чувственного тона (окраска *удовольствия – страдания*). Типы душевной организации формируются под воздействием 1) количества (богатства, разнообразия) впечатлений, 2) направления (положительный или отрицательный знак в окраске переживаний - *аффекционал*) психического подбора и 3) интенсивности переживаний в отдельные моменты. Если при богатстве и интенсивности материала подбора - глубине и полноте восприятия окружающего мира - достигается уравновешенность положительных и отрицательных впечатлений, то складывается высший культурно-психический тип «энциклопедического гения своего времени»⁷⁷. Не называя конкретных исторических примеров, Богданов обращается к своему любимому художественному образу - гетевскому Фаусту.

При меньшем диапазоне «уравновешенный» подбор дает тип, воплощения которого Богданов находил в основном среди представителей англосаксонской расы: «совершенные джентльмены» в изображении романистов, или политические деятели с «ясным и твердым отношением к жизни» - отнюдь не «гении», но люди, близкие к массам по материалу опыта, и в критические моменты истории способные стать «героями», «увлекая за собой «толпу», которая в них находит ближайших и наиболее непосредственных выразителей своих потребностей и стремлений, доверяет здоровой и сильной логике слов и действий». Исторические примеры – Дж.Вашингтон, А.Линкольн, Гладстон⁷⁸.

Для обозначения типов с «неуравновешенным» или с малоинтенсивным и ограниченным в материале переживаний подбором Богданов использует метафоры Г.Гейне - «эллин», «иудей» и «филистер». Если в богатстве переживаний одаренной природы явно преобладают положительные, складывается артистический «*эллинский*» тип - «изящной и мягкой разносторонности», подвижной, порывистой психики, в которой

⁷⁵ Богданов А.А. Пути новой психологии // Вопросы философии, 2003, № 1. С. 121.

⁷⁶ Богданов даже не включил раздел «Гедонический подбор» в последнее прижизненное издание «Тектологии», как слишком сжатую трактовку слишком обширного предмета, но разработать вопрос детальнее ему уже не довелось.

⁷⁷ Богданов А.А. Психический подбор // Вопросы философии и психологии, 1904, - № 4(74). – С. 492.

⁷⁸ Там же. – С. 503.

творческая фантазия преобладает над критикой. Если отрицательные - много страданий, жестоких воздействий внешнего мира, ударов судьбы – кристаллизуется «иудейский» (отнюдь не только для еврейства характерный) тип суровой непреклонности в борьбе за свою истину. В этом случае ограничение и упрощение материала психических комбинаций приводит к росту однородности ассоциативных связей; недостаток широты и пластичности душевной организации вознаграждается ее стройностью и прочностью, «выдержанностью» характера⁷⁹. «Трудно сказать, кто больше дал для развития и силы человечества – светлые ли, жизнерадостные «эллины», представители переливающейся через край полноты жизни, или суровые моноидеисты «иудеи», представители той принципиальной гармонии жизни, которая выражается в ее стихийной цельности, во всепобеждающей верности себе».

При меньшем диапазоне переживаний «эллинский» тип суживается до мелкой жизнерадостности богемы и бонвиванов вроде «золотой молодежи»; суровый «моноидеист» - до ограниченного фанатика догмы, беспощадного к себе и другим, прекрасного орудия в руках высших организаторов. А снижение «уравновешенного» типа до «обывательского» уровня порождает массовидный *филистерский* тип, воспроизводимый профессиональной специализацией. В качестве наиболее яркого примера Богданов привел односторонность торговца, который всю человеческую жизнь рассматривает со своей «специфически меновой точки зрения» - точки зрения, систематизированной воспитавшимся в торговой атмосфере английского капитализма И.Бентамом «в целую практическую философию, построенную, в сущности, на меновом идеале возможно выгодной сделки с реальностью жизни»⁸⁰.

Меткость этого наблюдения Богданова подтверждается не только исследованиями «рыночного» американского характера - в котором оптимизм, образование и культ действия и успеха «уравновешены» религиозным страхом перед адскими муками и печатью антиинтеллектуализма, презрения к «умникам», отдаленным от забот о платежной ведомости⁸¹, - но и тем, что бентамовская философия утилитаризма стала базовой моделью человека в *main stream* западной экономической теории, моделью *гедониста-оптимизатора* – «маржиналистского человека», рационально оценивающего

⁷⁹ Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. - М. – 1989. – С. 185.

⁸⁰ Там же. – С. 511.

⁸¹ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Американский политолог Р.Хофстедтер, анализируя традицию антиинтеллектуализма в США, предложил классификацию людей на два типа: «пиетический», «благочестивый», «живущий ради идей» и «игривый», «приспособительный», «живущий посредством идей» (Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963).

все кругом для исчисления степени полезности для себя покупаемых и потребляемых благ⁸².

Не менее примечателен и другой пример культурно-психической односторонности, приводимый Богдановым: «Работник, проводящий все свое трудовое время при машинах, естественным образом бывает склонен к механически-материалистическому мировоззрению, которое укладывает всякую реальность в рамки отношений, однородных с отношениями частей механизма, и такова в массе случаев точка зрения инженера»⁸³. Сравним эту характеристику с описанием тульским рабочим-мемуаристом «соответствия» между холодно-суровым, разительно непохожим на эсеровскую «одухотворенность» внешним обликом социал-демократов и близостью их программы «к машине – станку и металлу»: «Победа человечества над природой зависит только от машины, и тот, кто связывает с нею свою судьбу, как непремный победитель, не может на устах иметь нежную улыбку, а на лице румянец»⁸⁴. Даже «не понимая» социал-демократов, рабочие «все же знали», что РСДРП – «машина, которая работает изо дня в день и что каждый рабочий на фабрике есть ничто иное, как винтик этой машины»⁸⁵. Богданову уже в советские годы пришлось противопоставлять свои взгляды и «коллективизму отсталых масс, втянутых в индустрию ее мобилизацией» тейлориста А.Гастева, и определению людей как «живых машин» в вульгаризованном истмате («популярной марксистской социологии») Н.Бухарина. Но ведь и сам Богданов, упорно убеждавший себя и других в том, что «целостное организационное мышление» восторжествует лишь в культуре индустриального пролетариата, не избежал уподобления решения организационных общественных задач «математическому вычислению в задачах практической механики» («Инженер Мэнни»)!

В своей краткой интеллектуальной биографии Богданова я характеризовал его как ярко выраженного «левополушарного» мыслителя со склонностью к основательной проработке раз составленной модели реальности, стремлением к однозначному контексту, ориентацией на поиск средств (инструментария) деятельности, пониманием красоты как высокой целесообразности⁸⁶. Вернемся теперь к высшим «неуравновешенным» типам гедонического подбора. В «благодушном эклектизме» эллинского типа «недостаточно монизма», но в иудейском «монистическая» тенденция бывает «выражена в полной мере»:

⁸² Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. Спб. – 1998. – С. 84-94. Модель «блаженного калькулятора», вибрирующего как некий «атом желаний», была подвергнута критике альтернативным течением в западной экономической мысли – «старым» институционализмом (Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization. N.Y. – 1919. – P. 73.

⁸³ Богданов А.А. Психический подбор. – С. 511.

⁸⁴ Фролов А.С. О былом и пережитом. С. 123.

⁸⁵ Там же. С. 124.

⁸⁶ Гловели Г.Д. «Социализм науки»: мебиусова лента А.А.Богданова. М. – 1991. – С. 21-24.

все психическое содержание «тесно связывается и охватывается одной могучей идеей, на которой концентрируется вся энергия жизни»; активность воли отличается неуклонной последовательностью, «строгим единством направления»⁸⁷. Единство это укрепляется интенсивными волевыми импульсами в ответ на угнетающие воздействия среды.

Творец «Эмпириомонизма» к 30 годам перенес изрядно: «семейный мирок» с его ветхозаветными (вплоть до порки) методами воспитания и «сценами» между родителями; пережитые смерти маленьких братьев; «казарменно-тюремные» условия казеннокоштного обучения в тульской гимназии; частая голодная нужда и экзема в пору студенчества и начала революционной деятельности; периодические приступы колита и серьезная операция⁸⁸. И все же от его молодой еще фигуры веяло бодростью и энергией, а работоспособность была поразительной⁸⁹. Стихотворение поэта-большевика из рабочих А.Богданова-Волжского (1874-1939) о том, что революционер не имеет права на личное счастье, не нашло одобрения у его однофамильца А.Богданова-Малиновского⁹⁰, за плечами которого был огромный успех созданного в сотворчестве с товарищами по рабочему кружку экономического учебника и «блестящая деятельность»⁹¹ после II съезда РСДРП.

На революционные 1905-1907 гг. пришелся зенит Богданова-политика, в дальнейшем «вышибленного» из ЦК партии в ходе перерастания полемики с Плехановым и Лениным в личную и мстительную неприязнь со стороны последних. Попытка самостоятельной парторганизации «на товарищеских отношениях» провалилась (разрывы с Горьким, рабочим-философом Михаилом «Заводским» (Н.Вилоновым) и затем с группой «Вперед», неудачи партийных школ на Капри и в Болонье). Однако закат политического деятеля сопровождался расцветом в 1912-1913 гг. ученого и мыслителя: «Философия живого опыта», «Наука об общественном сознании», 1-й том «Тектологии». Но вскоре новое и сильнее потрясение – «каиново проклятье» - подорвало силы Богданова – точнее, полкового врача Малиновского, проявившего выдержку на фронте мировой войны, но угнетенного зрелищем «фабрики трупов» и того, «как солдатики, при сочувствии большинства офицеров, с огромной затратой сил и с диким наслаждением всячески оскверняли все помещичьи и крестьянские дома, магазины, госпитали, все

⁸⁷ Богданов А.А. Психический подбор. – С. 500.

⁸⁸ Хьюстис Д. Богданов: последний эксперимент // Вестник МИАБ. 2001. - № 3. С. 56, 59.

⁸⁹ Ермолаев И.Е. Мои воспоминания // Север. – Вологда. 1923. № 3-4.

⁹⁰ Богданов (Волжский) А.А. Избранная проза. М. – 1960. – С. 260-261.

⁹¹ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. С. 248-249.

полезные и удобные помещения, в результате чего сами должны были квартирно довольствоваться сараями и хлевами»⁹².

Прежде чем научно осмыслить фронтовые наблюдения - в рассуждениях о «массовом алогизме», который «прекрасно умеют использовать все устроители погромов, все демагоги»⁹³ и о власти над человечеством «закона наименьших», проявляющемся как «равнение по низшему» в стадных действиях толпы⁹⁴ - Богданов пережил в 1915 г. рецидив экземы, от которой пришлось три месяца лечиться в неврологической клинике (именно этот факт языкатый Н.Бердяев истолковал как «сидение Богданова в психиатрической лечебнице»⁹⁵) и приступы грудной жабы в течение пяти лет (1916-1921) – все время, пока наблюдал вокруг «потоки крови, гибельное разорение»⁹⁶, истощение сил народов до того, что не осталось сил для взрывов смеха, юмористики, как это было в прежних революциях⁹⁷.

«Солдатско-коммунистическая революция» Ленина – Троцкого была скептически оценена Богдановым, пришедшим к 1917 г. с твердым убеждением, что не из мировой и гражданской войн родится коллективистский строй с народнохозяйственной планомерностью, что «из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь», что существует «зияющая пропасть» между идеалом и классовой действительностью пролетариата. Но авторитет политэконома-марксиста и зачинателя пропаганды «пролетарской культуры» обеспечил Богданову трибуну для распространения своих идей. 2-е издание «Тектологии» он посвятил предварил «ряду молодых - и даже не только молодых - ученых», определенно пошедших вместе с ним по пути тектологического исследования. Но эти «товарищи-соразработчики» оказались весьма скромной силой, чего нельзя сказать о силах, ставших в Советской России поперек указанному пути - от прямых подручных Ленина вроде Зиновьева, Невского и Яковлева до уполномоченных ГПУ.

Итог: изгнание из Пролеткульта, провокация группы «Рабочая Правда», арест и последующая изоляция Богданова, заклеенного как деятель, «известный своими антикоммунистическими и антисоветскими взглядами»⁹⁸. Лавина печатных нападений, измеряемых трехзначным числом, роль «официального дьявола», на которого «дуют и

⁹² Богданов А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник Коммунистической Академии. 1925. Вып. 10.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Богданов А.А. Тектология. Кн. 1. - М. - 1989. - С. 241-242.

⁹⁵ Бердяев Н.А. Самопознание.

⁹⁶ Богданов А. Предисловие // Лихтенштадт В.О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пб. 1920. С. III.

⁹⁷ Богданов А. Тайна смеха (1923) // Вестник МИАБ. 2000. № 2. С. 15.

⁹⁸ Известия ЦК РКП(б). - 1923. - № 9-10. - С. 14.

плюют»⁹⁹, а он сохраняет стоицизм «Красного Спинозы», определяя в записных книжках свое «положение в борьбе за новую культуру»: «один за всех, все против одного».

Когда могучая натура «злой судьбе» вопреки развивается через массу страданий, присущий «уравновешенному» реализм мировоззрения и активного творчества сменяется отчасти противоположной тенденцией - «тем своеобразным отпечатком, который характеризуется словом «утопизм»¹⁰⁰. Наибольшую роль в психическом творчестве играют те немногие «реалистические» комплексы, которые окрашиваются не отрицательным, а положительным аффекционалом (намеки самой жизни на счастье), и еще больше – те производные от реальных комбинаций, которые сами ... *не имеют себе прямой опоры во внешней среде*, но постоянно сопровождаются положительным аффекционалом (идеальная картина счастья)»¹⁰¹.

«Намеки самой жизни на счастье» для Богданова - это воспоминания о совместном с рабочими овладении марксизмом: сотворчестве в с кружке, когда возникло мощное чувство «направленной напряженности», мобилизующей творческие силы для *продуктивного мышления* (в смысле М.Вертгеймера). «Товарищеский кружок людей, сознательно стремящихся к одной общей цели, которая глубоко проникает собою всю их жизнь, чувства и волю, налагает свой отпечаток на все их мысли и представления. Кто жил в такой группе, жил в ней реальной, а не призрачной жизнью - потому что бывают и призрачные объединения - для того эти отношения навсегда останутся лучшим, самым дорогим из всего, что дал ему жизненный опыт - конкретным образом практических идеалов нашего времени и в то же время зародышевой формой их осуществления»¹⁰².

«Производные, не имеющие прямой опоры во внешней среде» – ипостаси заместившего божественный образ полноты бытия «социального идеала maximum организованности»¹⁰³: «монизм научный и прогрессивный», «коллективистский строй», «хозяйственная планомерность», «пролетарская культура», «тектология борьбы со старостью».

«*Утопизм, строгая последовательность мышления и воли, неуклонная активность в жизненной борьбе*»¹⁰⁴ рождают тип подвижников веры и великих борцов за идею. «Интенсивное действие отрицательного подбора аналогично действию молота, который

⁹⁹ Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. - М. - 1989. - С. 302, 307.

¹⁰⁰ Богданов А.А. Психический подбор. - С. 498, 499.

¹⁰¹ Там же .

¹⁰² Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб. - 1906. - С. 200.

¹⁰³ Богданов А.А. Принципы реформы общественных наук с организационной точки зрения // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 119.

¹⁰⁴ Богданов А.А. Психический подбор. - С. 500.

дробит и уничтожает все непрочное и неустойчивое, но выковывает то, что действительно прочно, и, выделяя его из всего остального, придает ему чистоту и определенность форм». Богданов приводит пример огнепального протопопа Аввакума, чья «ужасная биография ставит перед нами загадку о том, как из непрерывной цепи невероятных страданий возникает гигантская сила железной воли, абсолютно не способной себе изменить ни при каких условиях»¹⁰⁵. Но с не меньшим основанием можно указать на самого Богданова, чей идеал, в отличие от фанатика-старовера, был нацелен не на прошлое, а на будущее.

После 1923 г. Богданов какое-то время выглядел удрученным, надломленным разочарованиями, травлей, отступничествами¹⁰⁶. В его записных книжках однажды проскользнуло замечание подлинного философа, ощущающего поддержку не пресловутого «класса-строителя», но индивидуальных «теней»¹⁰⁷ – Галилея и Дарвина, Карно и Майера, Спинозы и Ломоносова. Однако организация Института переливания крови придала новый импульс действенному утопизму – далями «физиологического коллективизма» и близостью обретенных соратников и интересных результатов. Это была последняя вспышка «страсти к монизму» и *furor tectologicus*¹⁰⁸, последний акт гедонического подбора - личного участия в «борьбе сил жизни с силами стихий, сил стремящегося к единству сознания с черными силами разрушения и дезорганизации»¹⁰⁹.

P.S. Концепция гедонического подбора представляет исключительный интерес не только для понимания жизненного и творческого пути самого А.А.Богданова, но и для конструктивного переосмысления *исторического материализма* как системного учения «о связи разных частей общественного процесса»¹¹⁰, об *организационной динамике* материальной и духовной культуры в целом. Эта концепция может стать интегрирующей для широчайшего диапазона гуманитарной и естественнонаучной мысли, стыкующейся через современную нейрофизиологию, обнаружившую «исполнительные органы» отрицательных и положительных эмоций в виде мозговых систем «наказания» и «награды».

Концепцию гедонического подбора в наследии Богданова-психолога дополняет статья «Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления»(1925), навеянная

¹⁰⁵ Там же. – С. 501.

¹⁰⁶ Кан Е.М. Воспоминания об А.А.Богданове-Малиновском (рукопись).

¹⁰⁷ «Пока человек философствует.., он ощущает себя в связи с сокровенно-открытой цепью свободно ищущих людей» (К.Ясперс). Цит. по: Философская энциклопедия. Том 5. М. – 1970. – С. 622.

¹⁰⁸ Выражение из письма Богданова Вересаеву

¹⁰⁹ Богданов А.А. Вопросы социализма. М. – 1990. – С. 423.

¹¹⁰ Богданов А.А. Основные принципы социальной техники и экономики // Вестник Социалистической Академии. Вып. 4. 1923. С. 272.

работами Л.Леви-Брюля. В ней особенно интересны рассуждения Богданова о том, что в культурном развитии человечества аналитический “логизм” представляет собой лишь островки в океане «алогизма». «Алогичны и самые высшие творческие проявления механизма мысли, и самые низшие, стадно-консервативные».

Ни один шаг познавательного синтеза не может быть сделан без нарушения законов логики, и *динамический алогизм* есть необходимый путь творчества, на котором ошибки селективно устраняются практикой, а результаты закрепляются подбором в систематизированных логических формах - основным статическим приспособлением культуры. Но последняя отягощена и *статическим алогизмом* - стихийно сложившимися понятиями, выражающими культурную инертность и застойность коллективов. Эта организационная диалектика алогизма и логизма предвосхищает триаду развитой акад. П.В.Симоновым информационной теории эмоций: динамизм бессознательной творческой интуиции - вторичный отбор “озарений” и закрепление результатов логическим мышлением - консерватизм подсознания.